

УДК 821.161.1-1

**ЧЕЛОВЕК БУЯНЯЩИЙ: РАЗГУЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ
В ПЕРВОЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КОНТЕКСТ
(лирика Д. В. Давыдова, «Выстрел» А. С. Пушкина)**

К. Р. Халиуллин

Институт русской литературы (Пушкинский Дом)
Российской академии наук
отдел пушкиноведения

Принято считать, что Денис Давыдов создал образ гусара–буяна, который воплощали реальные повесы 1810–1820-х годов. Этому же образу наследовала последующая литература при изображении кавалериста. Однако анализ мотивной структуры лирики поэта-гусара позволяет утверждать, что лирический герой стихотворений Давыдова не только не схож с «озорниками» начала XIX века, но и противопоставлен им: крайний индивидуализм и желание первенствовать заменены здесь представлением о гусарском братстве, в котором все равны.

Ключевые слова: *Д. В. Давыдов, А. С. Пушкин, «Выстрел», гусарская лирика, гусарский миф, буян.*

Принято считать, что культурно-литературный миф о гусаре-озорнике и буяне возник в лирике Д. В. Давыдова и из нее вошел в русскую литературу и, далее, культуру вообще. Однако это идея не кажется бесспорной.

Мифологизированный образ гусара-буяна в значительно большей степени складывался под влиянием реальных биографий исторических лиц, слывших легендарными повесами. По наблюдению Ю. М. Лотмана: «...в начале XIX в. <...> начал выделяться некоторый особый тип разгульного поведения, который уже воспринимался не в качестве нормы армейского досуга, а как вариант вольномыслия. Элемент вольности проявлялся здесь в своеобразном бытовом романтизме, заключавшемся в стремлении отменить всякие ограничения, в безудержности поступка. Типовая модель такого поведения строилась как победа над некоторым корифеем данного типа разгула. Смысл поступка был в том, чтобы совершить неслыханное, превзойти того, кого еще никто не мог победить» [6, с. 493]. Конкретными проявлениями «буянства» являются, с одной стороны, доведенная до крайности доблесть на поле брани, с другой – бретерство и азартная карточная игра. Они позволяют человеку освободиться от вписанности в стройную официальную социально-профессиональную иерархию, противопоставить свою личность государственной машине. К концу 1830-х – началу 1840-х годов в литературе и культуре подобное ненормативное поведение закрепляется за образом гусара, а само название человека «гусаром» значит, что он «ёра, забияка», «шалун» (формулировки Дениса Давыдова) и повеса.

В науке существует мнение, что образ гусара-озорника создала лирика Дениса Давыдова [13, с. 172–173], а последующие литература и культура уже разрабатывали давыдовский типаж, все более закрепляя именно за ним подобное поведение. Однако при внимательном чтении гусарских песен Дениса Давыдова обращает на себя внимание, что «буянство» в этом художественном мире не синонимично ни

бретерству, ни картежничеству. В лирике поэта-гусара мотивы, связанные с азартной игрой, встречаются лишь несколько раз, а дуэль, по нашим наблюдениям, вообще не упоминается. Картежничество и бретерство как неотъемлемые черты поведения героя-гусара появляются позднее – в прозе 1820-х – 30-х годов – в творчестве А. С. Пушкина, А. А. Бестужева-Марлинского, В. И. Карлгофа, Д. Н. Бегичева и др. Ко второй половине XIX века гусар-дуэлянт и картежник становится четко определенным литературным типом, особенно колоритно представленным в произведениях Л. Н. Толстого о «золотом веке» русской дворянской культуры («Война и мир», «Два гусара»). И в XX веке (в частности, в пьесе А. К. Гладкова «Давным-давно», а также в фильме «Гусарская баллада», снятом по ней Эльдаром Рязановым), и сегодня гусар – не просто военный служащий российской Императорской армии, а идеальный представитель «века богатырей». Об этом свидетельствует, например, наличие сайтов в сети Интернет, посвященных гусарству, или своеобразных гусарских фан-клубов. В то же время остальные рода войск (в том числе конные: драгуны, уланы и др.) не так интересуют современного пользователя сети.

Человек, претендующий на звание исключительного, должен был совершать неожиданные, восхищающие либо своей дикостью, либо чрезмерной храбростью (что нередко шло бок о бок) поступки, причем не только на войне, но и в повседневной жизни. Вокруг него возникали легенды, в которых как современники, так и потомки не всегда могли отделить правду от вымысла. Так, А. И. Якубович, «отъявленный повеса, проказник, не сходивший почти с гауптвахты» [1, с. 291], который был еще и «необычайно честолюбив» [3, с. 119], нередко додумывал истории из своей жизни, намеренно создавая вокруг себя мифологический ореол. Известен его рассказ о дуэли с А. С. Грибоедовым (в четвертной дуэли, в которой, кроме самих дуэлянтов, А. П. Завадовского и В. В. Шереметьева, должны были стреляться и их секунданты, Грибоедов и Якубович), полностью построенный по сюжету повести Пушкина «Выстрел»: «Мы с Грибоедовым жестоко поссорились – и я вызвал его на дуэль, которая и состоялась. Но когда Грибоедов, стреляя первый, дал промах – я отложил свой выстрел, сказав, что **приду за ним в другое время, когда узнаю, что он будет более дорожить жизнью, нежели теперь** <... > и наконец я узнал, что он **женился и наслаждался полным счастьем** (выделено мной. – К. Х.)» [2, с. 365–366]. Далее рассказ продолжается, следуя пушкинскому сюжету, а ранение Грибоедова в руку Якубович объясняет как намеренное: «...я раздробил ему два большие пальца на правой руке, зная, что он страстно любил играть в фортепиано и лишение этого будет для него ужасно» [Там же]. О наличии в этой истории элементов художественного вымысла свидетельствует хотя бы намеренное нарушение хронологии событий: дуэль между Грибоедовым и Якубовичем произошла в 1818 году, а женился Грибоедов только в 1828-м.

Не менее яркие и притом более достоверные эпизоды встречаются в биографиях других известных «буянов»: Ф. И. Толстого-Американца, М. С. Лунина, И. П. Липранди, Ф. А. Уварова и др. Несмотря на разность судеб, всем им были присущи те же черты, что и Якубовичу, – честолюбие и тщеславие, желание преодолеть другого, стать первым, унизив и тем самым победив соперника. Для такого человека равным мог стать только такой же бретер и гуляка, как и он сам. Он всегда желал быть исключительным, выделяться на фоне всех остальных, что, впрочем, не отрицало способности к искренней дружбе и искренней любви к отечеству. Известна, например, близкая дружба Ф. И. Толстого-Американца с Денисом Давыдовым и с П. А. Нащокиным, с которым они даже обменялись кольцами с уговором, что

первый, кто почувствует приближение смерти, сообщит другому и умрет у того на руках [12, с. 265].

Однажды (в 1813 году) Лунин, служа еще в кавалергардах, вызвал цесаревича Константина Павловича на дуэль [6, с. 14–16]. Наследник престола сторяча разругал полковника, ехавшего не по форме в шапке. Полковник нарушил форму одежды по причине болезни и, сочтя себя оскорбленным, подал в отставку. После этого «офицеры всего полка признали поступок с полковником оскорбительным для всех и подали Депрерадовичу общую просьбу об отставке» [7, с. 15] Цесаревич, узнав об этом, на дневном смотре извинился перед офицерами, прибавив, что готов дать удовлетворение любому, кто им недоволен. Полковник и офицеры были благодарны Константину Павловичу за честь, оказанную им, и приняли извинения. Однако из рядов вперед вышел Лунин и попросил о личном удовлетворении. Великий князь, улыбнувшись, сказал, что офицер еще слишком молод [11, с. 556]. Вызов на дуэль командира классифицировался как бунт, неподчинение служебной иерархии. Вышестоящий офицер имел полное право уведомить об этом армейское руководство (причем его честь от этого не страдала), после чего вызывающего в лучшем случае лишали офицерского звания и отправляли на Кавказ, в худшем же – в Сибирь. Что же тогда говорить о вызове на поединок чести члена царской семьи. Лунин рисковал не просто своим будущим, а жизнью, желая совершить немислимое, то, на что у иного не хватило бы духа.

Толстой-Американец во время кругосветного путешествия поссорился с И. Ф. Крузенштерном и последовательно призывал команду к бунту против него. Командир экспедиции несколько раз пытался примириться с буяном, но тщетно: Толстому хотелось быть первым на этом судне, как и в жизни вообще. Крузенштерн пригрозил высадить бунтаря на необитаемый остров, на что тот ответил: «Вы, кажется, думаете меня запугать! В море ли вы меня бросите, на необитаемый ли остров, мне всё равно; но знайте, что я буду возмущать против вас команду, пока останусь на корабле» (цит. по: [11, с. 265]).

Как известно, командиру ничего не оставалось, как оставить Толстого на Алеутских островах.

К легендарным историям из биографии Липранди относится, например, эта. В 1809 году в условиях строжайшего запрета на международные дуэли он вызвал на поединок первого шведского дуэлянта барона Блома. Они долго спорили об оружии: Липранди настаивал на пистолетах, Блом же предпочитал драться на шпагах. Не выдержав додуэльной полемики, Липранди «прекращает спор, хватает тяжеленную и неудобную шпагу (лучшей не нашлось), отчаянно кидается на барона, теснит его, получает рану, но обрушивает на голову противника столь мощный удар, что швед валится без памяти, и российское офицерство торжествует» [14, с. 14]. Липранди считает себя защитником чести всего русского оружия, за которую стоит сражаться не только на поле брани, но и на поединке.

Думается, такой тип поведения мотивирован желанием изъять себя из коллектива и возвыситься над ним.

Многие легендарные кутилы и бретеры (Лунин, Ф. Ф. Гагарин, сам Давыдов) действительно служили в гусарах. Бывший, правда, кутилой больше в стихах, а не жизни, «Давыдов, когда хорошо его узнаешь, только хвастун своих пороков» – говорил о нем князь А. Г. Татищев [9, с. 628–629]. Более того, мы не смогли найти информации ни об одной дуэли Давыдова. В значительном количестве анекдотов фигурируют усатые наездники и гусарские полки [5, с. 83]. Однако многие офицеры служили в различных воинских подразделениях, не только в гусарах или ула-

нах. Так, Лунин начинал службу в Егерском полку, позднее был переведен в кавалергарды и только в 1822 году поступил на службу в Гродненский гусарский полк, Толстой-Американец вообще был пехотинцем, даже Давыдов начинал службу в кавалергардах. Несмотря на это, в литературе и культуре за ними закрепилась слава именно гусара. Стоит отметить, что главным шальным полком в России тех лет был не гусарский, а 44-й Нижегородский драгунский полк (кавказский полк), в который ссылали офицеров за бретерство и другие дисциплинарные проступки и преступления. Именно в него, в частности, был сослан Лермонтов.

Не менее противоречиво и влияние лирики Дениса Давыдова на действительность рассматриваемого периода. В стихотворениях Давыдова создается образ гусара, представляющего собой идеального военного первой трети XIX века.

Для героя Давыдова гусары – братья, они равны между собой, нет первых и последних. Ты гусар постольку, поскольку ты храбр на поле боя и на пиру, а большего и желать нельзя. Понятия иерархии, подчиненности (и формальной, и ментальной) чужды свободолубивому «сотоварищу урагана», они являются определяющими для «большого» мира ложных ценностей, которому противостоит весь мир давыдовской лирики. «Я» в этом смысле равняется «Мы»: «За тебя на черта рад, <я> / Наша матушка Россия! / Пусть французишки гнилые / К нам пожалуют назад. <мы>» («Песня») [10, с. 18].

Начиная с 1815 года в лирике Дениса Давыдова образ гусара фразеологически «демократизируется» – герой начинает называть себя «партизаном» и даже «солдатом». Однако «Я-солдат» лирики Давыдова равен «Я-гусару», «разжалования» героя не происходит. Это все тот же характер. Такое переименование связано с тем, что для героя Давыдова военная иерархия и чин не имеют никакого значения: между «солдатом» и гусаром нет никакой разницы. Высокое же звание может упоминаться только иронически: «Пусть я буду генералом, / Каких много видел я! / Пусть среди кровавых боев / Буду бледен, боязлив, / А в собрании героев / Остр, отважен, говорлив» («Бурцову») [Там же, с. 12].

Герой давыдовской песни никогда не оказывается выше своих товарищей: они братья и равны между собой.

Однако такой герой имеет очень мало общих черт с реальными буянами первой половины XIX века. Это видно в «Выстреле» Пушкина.

В повести Пушкина «Выстрел» ссылка на давыдовскую лирику делается дважды. Первый раз в рассказе Сильвио: «Я перепил славного Бурцова, воспетого Денисом Давыдовым» [8, с. 69]. Второй способ обращения к претексту менее явен, однако от этого не менее бесспорен: одним из эпитафий к произведению является фраза из рассказа А. А. Бестужева-Марлинского «Вечер на бивуаке», который, в свою очередь, предваряет эпитафия из стихотворения Дениса Давыдова «Песня старого гусара». Таким образом, гусарская тема в тексте Пушкина дана в своей соотнесенности с лирической системой Давыдова, что позволяет нам рассматривать «Выстрел», учитывая мотивику гусарских песен.

В пушкинской повести можно наблюдать немалое количество мотивов, которые являются определяющими для лирики Давыдова. В самом начале текста заявлен мотив *гусара* (Сильвио был гусар) и связанные с ним мотивы *домишка* Сильвио («бедная мазанка»), *пира* (у Сильвио «шампанское лилось рекой»), *товарища / друга* («Я вас люблю», – говорит Сильвио герою-повествователю).

В произведении указанные мотивы претерпевают кардинальное изменение. В рассказе Сильвио о своем гусарском прошлом появляются два особенно важных

для гусарской лирики мотива – *пьянства* (Сильвио «перепил Бурцова») и *проказ* (Сильвио «был первым буяном по армии»). Однако обращает на себя внимание, что ни пьянство, ни буянство не самоценны (как в лирике Давыдова). *Пьянство* и *проказы* подчинены другой страсти Сильвио – страсти *первенствовать, преумножать славу*. Не случайно для него важно именно *перепить* Бурцова (а не пировать с ним), быть *первым* буяном (а не просто гусаром-проказником): «Характер мой вам известен: я **привык первенствовать**, но смолodu это **было во мне страстию**. <...> Товарищи меня обожали, а полковые командиры, поминутно сменяемые, смотрели на меня, как на необходимое зло (выделено мной. – К. Х.)» [Там же].

Итак, Сильвио предстает гусаром, но не тем, образ которого создал Денис Давыдов и традиция гусарской песни.

Граф же характеризуется следующим образом: «Вообразите себе молодость, ум, красоту, веселость самую бешеную, храбрость самую беспечную, громкое имя, деньги, которым не знал он счета и которые никогда у него не переводились» [Там же].

Из приведенных характеристик особенно важной, как нам представляется, оказывается *веселость*. Мотив веселья сопутствует не Сильвио, а его сопернику. Это неудивительно, ведь Сильвио, как можно судить из текста, не наделен этим чувством. Более того, он признается: «Я стал искать с ним ссоры; на эпитаграммы мои отвечал он эпитаграммами, которые всегда казались мне неожиданнее и острее моих и которые, конечно, **не в пример были веселее: он шутил, а я злобствовал** (выделено мной. – К. Х.)» [Там же].

Обида Сильвио на способность графа комически воспринимать жизнь, обида на само веселье явно слышны в сцене второй дуэли героев: «Скажите, правду ли муж говорит? – сказала она, обращаясь к грозному Сильвио, – правда ли, что вы оба **шутите?**» – «Он **всегда шутит**, графиня, – отвечал ей Сильвио, – однажды дал он мне **шутя** пощечину, **шутя** прострелил мне вот эту фуражку, **шутя** дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота **пошутить...** (выделено мной. – К. Х.)» [Там же, с. 74].

Как видим, Сильвио отрицательно воспринимает шутку и смех, для него «пошутить» оказывается синонимом слова «унизить» или даже «лишить жизни» (как в конце цитаты). Веселость и беззаботность графа контрастирует с завистью Сильвио. Такая веселость – одна из основных черт давыдовского гусара. Он борется со страхом смерти, эпикурейски побеждает смерть отрицанием ее бытийности и событийности. Эта победа возможна только с помощью веселья и беспшашности «шалунов». Именно поэтому веселость героя – не просто его признак, а скорее неотъемлемое свойство. Без нее нет гусара, потому что без нее невозможно ежедневно с бесстрашием глядеть в глаза смерти.

Без веселости и беспечности, которым так завидует Сильвио, граф не сумел бы равнодушно стоять перед дулом пистолета ненавидящего врага, завтракая черешнями. Можно с уверенностью сказать, что поведение и мировосприятие графа отвечают идеалу образа гусара, созданного и воспетого Денисом Давыдовым. Таким образом, гусаром «по Давыдову» оказывается именно граф, тогда как Сильвио – «антидавыдовский» гусар.

Таким образом, мы предполагаем, что Денис Давыдов создает своего гусара, который противопоставляется реальному бретеру, картежнику и «забияке». Если для реального исторического буяна поступок – абсолютная ценность, то для героя Давыдова ценными оказываются равенство гусарского братства и защита Родины.

Создавая этого нового героя, героя литературного, Денис Давыдов приглашает «реального» «ёру» Толстого-Американца в мир своей лирики, предлагая ему измениться, стать другим: «Прошу тебя забыть / Нахальную уловку, / И крепс, и понтировку, / И страсть людей губить» («Болтун красноречивый...» 1815) [9, с. 65]. Именно это гусарское миропонимание выражает поручик Ржевский в пьесе Гладкова «Давным-давно», когда говорит: «Знай, равенство везде, где звон гусарских шпор» [4, с. 40].

Ненормативным поведением в России первой трети XIX века отличались дворяне, в основном военные, независимо от войсковой принадлежности. Подобное поведение со временем исчезает из реальной практики, однако остается в качестве одной из ярчайших характеристик «века богатырей» русской истории. В период процветания кутежей и буянства Давыдов создает своего лирического героя – идеального гусара, проказы которого подразумевают анакреонтические возлияния, чувство братства и храбрость в ратном деле, а не бретерство и картежничество, жажду стать легендой. Давыдовский гусар оказывается выделенным из ряда остальных военных рассматриваемого периода истории, в связи с чем становится лучшим представителем века, а литературная модель гусарства превращается в одно из самых заметных его явлений. Если для человека 1810-х годов ясна разность между модальностью гусара давыдовской лирики и модальностью буянов, то в следующих десятилетиях модальности различаются все меньше, важна отличность, особость героя. Разгульное офицерское поведение и гусарство уже к концу 1830-х сближаются: теперь носителем данного типа поведения становится именно гусар, и никто иной.

Список литературы

1. Арапов П. Н. Летопись русского театра. СПб.: Типогр. Н. Триблена и Комп., 1861. 387 с.
2. Власова З. И. Декабристы в неизданных мемуарах А. И. Штукенберга // Литературное наследие декабристов. Л., 1975. 354–369.
3. Востриков А. В. Книга о русской дуэли. СПб.: Азбука, Азбука–Аттикус, 2014. 352 с.
4. Гладков А. К. Давным–давно: пьесы. М.: Сов. писатель. 1978. 535 с.
5. Липранди И. П. Замечания на «Воспоминания» Ф. Ф. Вигеля М.: Имп. Об-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1873. 194 с.
6. Лотман Ю. М. Декабрист в повседневной жизни // Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство–СПб, 1994. С. 164–190.
7. Окунь С. Б. Декабрист М. С. Лунин. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1962. 279 с.
8. Пушкин А. С. Полное собр. соч.: в 16 т. Т. 8. Кн. 1. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 496 с.
9. Русская старина: Т. 5. СПб.: Печатня В. И. Головина, 1872. 1032 с.
10. Сочинения Давыдова Дениса Васильевича. СПб.: А. Смирдин, 1848. 640 с.
11. Ульянов И. С. Заметки // Русский архив. 1868. Вып. 6. С. 554–557.
12. Филин М. Д. Толстой-Американец. М.: Молодая гвардия, 2010. 315.
13. Шмид В. Проза Пушкина в поэтическом прочтении. «Повести Белкина» и «Пиковая дама». СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. университета, 2013. 354 с.
14. Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы: Из истории взаимоотношений. М.: Худож. лит., 1979. 422 с.

A BROWLING MAN: DISSIPATED BEHAVIOR IN THE FIRST HALF OF THE XIXth CENTURY AND THE LITERARY CONTEXT (DENIS DAVIDOV'S LURICS AND ALEXANDER PUSHKIN'S "THE SHOT")

K. R. Khaliullin

Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences
the Department of Pushkin Studies

There is the commonplace in literary criticism that Denis Davidov invented the image of hussar-and-brawler and the real rakes of 1810–1820 embodied it and the following literature continued to use this image. However, the analysis of the motive structure of Danidov's verses shows that his lyrical hero does not have their features and contrasts with them – the extreme individualism and the desire for priority substituted there for the idea of hussar brotherhood where everyone is equal.

Keywords: *Denis Davidov, Alexander Pushkin, "The shot", hussar lyric, hussar myth, brawler.*

Об авторе:

ХАЛИУЛЛИН Карим Ришатович – аспирант отдела пушкиноведения Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук (199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, 4), e-mail: karim-ha@mail.ru.

About the author:

KHALIULLIN Karim Rishatovich – Postgraduate Student at the Department of Pushkin Studies in the Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom) of the Russian Academy of Sciences (199034, Saint-Petersburg, Makarova emb., 4), e-mail: karim-ha@mail.ru.